

Айдер Мустафин

18+

ДРУГОЙ БЕРЕГ ОКЕАНА

Айдар Мустафин

Другой берег океана

<https://litres.ru/74311727>

ISBN 9785007089470

Аннотация

«Будь творцом своей жизни, художником впечатлений и скульптором своего тела. Создай себя заново. Проруби себе дорогу в будущее. Отправляйся в новую жизнь! Пришла пора отправиться дальше и найти „другой берег океана“, место, где начнется другая жизнь. Далекий край, в котором тебе не придется с тоской оборачиваться назад и думать о прошлом. Где прошлое станет благодатным стартом, а не горестным разочарованием и концом» — писал муж Ираиды в предсмертных посланиях, пытаясь её поддержать.

Содержание

1	5
2	12
3	19
4	25
5	30
6	36
7	41
8	49
9	53
10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Другой берег океана

Айдар Мустафин

Дизайн обложки Рустем Архамович Фаткуллин

Редактор-корректор Лилия Магनावиевна Аслямова

© Айдар Мустафин, 2026

ISBN 978-5-0070-8947-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В жизни Ираиды случилась трагедия, у нее умер муж. Однажды она сидела в своей маленькой квартире в компании с бесконечной пустотой, оставшейся после смерти мужа. Сидела и вспоминала теплые моменты прошлого.

В тишине раздался стук. Кто-то стоял за дверью и чего-то хотел от несчастной женщины. Сначала постучали три раза, затем повторили, но безрезультатно. Ираида будто не слышала. Послышалось семь ударов в дверь, и девушка насторожилась. Прозвучало их личное перестукивание с мужем, так они узнавали, что именно один из них стоит за дверью. Она встала со стула, медленно подошла к двери и стала прислушиваться. Раздались семь четких ударов. Когда постучали опять, она открыла дверь.

В коридоре стоял курьер.

— Ираида? — спросил он и начал оправдываться, не дожидаясь ответа. — Простите, тут написано, что нужно постучать семь раз, я забыл и поэтому сначала три раза стучал. У меня для вас письмо.

Он вручил ей конверт и быстро ушел. Ираида прямо у открытой двери распечатала конверт и начала читать. Увидев знакомый почерк, она поняла, что письмо от мужа. Из глаз опять потекли слезы, руки затряслись.

«Любовь моя. Я так рад, что могу обратиться к тебе и пе-

редать чуточку счастья в непростое время. У соседа по палате постоянное несварение желудка, я будто нахожусь в газовой камере. Но даже здесь, в терапевтическом отделении, я думаю о тебе и радуюсь. И ты радуйся, моя родная, не прекращай жить. Даже если меня больше нет. Мои слова, звучащие в твоей голове сейчас — это яркий отголосок прошлого, который я послал тебе в будущее. Я все-таки доказал тебе, что машина времени существует. Она банальна и проста — всего лишь лист бумаги, на котором я отправил тебе свои мысли».

Ираида разрыдалась, она прижалась спиной к стене, сползла на пол. Письмо на какой-то миг вернуло ей мужа, она словно действительно услышала его голос. Уже сидя на полу, она продолжила читать.

«Мне очень трудно тебя терять. Умираю я, но теряем мы оба. Я теряю связь со своим сокровищем, не только с жизнью, я теряю связь с тобой. Из-за болезни я иногда не понимаю, как я оказался в палате, что происходило со мной в детстве, но я отчетливо помню тебя. Именно ты возвращаешь меня к жизни.

Это письмо — одно из нескольких посланий, которые я решил оставить перед уходом. В этом письме я бы хотел сказать, что люблю тебя. Это главные слова, произнесенные мной в жизни. Еще я хочу составить тебе компанию. Следы любви, по которым ты пойдешь вместе с моими мыслями. Я оставил эти следы, чтобы ты не чувствовала себя одинокой в

трудные минуты жизни. Надеюсь, что у нас получится пройти этот путь

Ты, главное, не пугайся. Ты у меня умная и смелая. Все у тебя получится. У нас все получится. Мы сможем двигаться дальше, если ты будешь следовать моим рекомендациям. Это не требования и не законы. Простые просьбы твоего мужа, которым ты можешь следовать.

Второе письмо ты найдешь по указанному адресу. Люблю».

Луч нежности, прорвавшийся из прошлого, повел ее в неизвестном направлении. Адрес она знала, но вот что ее там ожидает, предстояло выяснить. По пути она еще несколько раз прочитала письмо. Иногда она улыбалась и забывала, что мужа больше нет. Но от горестной правды не получалось уйти. Поднимая голову, она видела мир, в котором больше не встретится с любимым.

По указанному в письме адресу располагался дом. Дверь открыл пожилой мужчина. Он посмотрел на нее так, будто заглянул в самую глубь ее тоски. Перед ним стояла худощавая девушка, с темными кругами вокруг голубых глаз, ее черные волосы стали ломкими из-за недоедания. Он понял, кто перед ним стоит и что ей нужно.

— За письмом? — тихо спросил мужчина.

Ираида кивнула.

— Хороший он был парень, — сказал мужчина и вручил ей конверт. — Открыть письмо ты должна не сразу. Снача-

ла отправляйся в барак, тут неподалеку. Он на углу стоит. Там найдешь комнату с коричневой дверью. Зайдешь туда и прочитаешь.

— Что будет, если я прочитаю его сейчас? — тихо спросила Ираида.

— Ничего не будет. Это просьба мужа.

Ираида поблагодарила мужчину и ушла. Она крепко держала письмо, но не открывала, ведь об этом просил ее муж. Она уважала его просьбу, несмотря на то, что он даже не узнал бы, открыла она письмо или нет.

Двухэтажный барак находился недалеко, вход в него давно заколотили, окна выбили, Ираида залезла внутрь через одно из них. Рядом с домом стояла старая машина, и девушка сначала взобралась на нее, а потом шагнула в окно первого этажа.

Там она побродила немного и отыскала нужную дверь. Внутри увидела только разруху: напольное покрытие вырвали, оставив только балки, на которых когда-то крепился пол, оборвали даже деревянные рейки на стенах. Ираида зашла в комнату, подошла к окну и открыла конверт.

«Ты все сделала как я попросил. Я в этом не сомневаюсь. Я в тебе никогда не сомневался. Если решила открыть письмо сразу, ничего страшного. А если добралась до цели, добро пожаловать в дыру.

Когда-то это место называли именно так. Здесь жили малоимущие люди и какое-то время жил я, совсем недолго.

Сейчас от жилья остался лишь деревянный скелет. Но тогда там рождались дети, отмечали праздники и справляли повседневность совершенно разные люди.

Во второй квартире жил мальчишка, влюбленный в соседку из третьей. Их родители враждовали из-за бельевой веревки, не могли решить, кто будет вешать на ней белье, и детям своим запрещали общаться. Ребятам было по пятнадцать лет, они хотели сбежать из этого места, жить спокойно и не думать о глупостях вроде бельевой веревки. Они так и поступили. Однажды ночью уехали, можно даже сказать, что сбежали. Они оставили позади родителей и прошлую жизнь и шагнули в неизвестность. Надеюсь, что у них все хорошо.

Я не хочу болеть. Но так получилось, что болезнь настигла меня. Один человек в больнице как-то сказал мне, что болезнь — это первый шаг на пути к пробуждению. Что люди не обращают внимания на свое здоровье и не задумываются о нем, пока не заболеют. Здоровье для них — это сон, который заканчивается, когда они заболевают. Я бы хотел продолжить спать, но быть вместе с тобой. Хотел бы сбежать с тобой.

Сейчас ты читаешь это письмо. Это значит, что меня нет. Нет моих проблем, страхов и желаний. Осталось лишь человеческое послевкусие. Это странное словосочетание пришло ко мне в голову, когда я думал о том, что мы больше не увидимся и о том, что останется после меня. Человеческое послевкусие. Не хочу, чтобы оно осталось с тобой всегда. Хочу

разбавить твою жизнь. Сделать ее другой. Без меня. Именно для этого я сочинил все эти письма.

Хочу, чтобы твоя жизнь не стала похожей на дыру, в которой падают в беспросветную неизвестность. Это место, где начнется наша новая жизнь. Откуда ты сможешь сбежать. Здесь больше никто не живет, но мы с тобой начнем все сначала. Без меня, но с моими подсказками. Ты оставишь позади скелет прежней жизни и построишь новую. Ты умница, у тебя все получится. Я знаю, что ты нашла это письмо, найдешь их все и в конце концов окажешься в новой жизни. Я на это рассчитываю. Надеюсь, мои труды не окажутся напрасными.

Следующее письмо принесет курьер. Я на всякий случай отправил два письма, чтобы повысить вероятность получения. То письмо будет другим.

Люблю».

Она прочитала письмо еще раз, а затем поспешила домой, подумав о том, что следующее письмо вот-вот принесет курьер. Она спешила так, словно муж ждал ее дома, будто она откроет дверь, а там он, стоит и улыбается. Но в квартире по-прежнему оставались лишь неприбранные вещи и открытые окна. В почтовом ящике ничего.

Счета оплачивала сестра. Ираида решила позвонить ей и узнать, не попадалось ли письмо.

— Алло, — раздался в трубке голос сестры. — Ира? Как у тебя дела?

— Ты ящик проверяла? — спросила Ираида в ответ.

— Да, забрала платежки, рекламу выкинула.

— Письмо не видела?

— Не видела. Говорю же, платежки и реклама. Больше ничего не было.

А тебе письмо должно прийти?

— Должно. Если придет, сразу позвони мне.

— Ладно. Ну, ты как там, моя дорогая? Ты сегодня что-нибудь ела?

— Не хочу сейчас разговаривать. Буду спать.

Ираида не стала отвечать. Это такой вопрос, на который нужно отвечать, что все нормально. Сестра действительно переживала. Но ответить на этот вопрос тяжело. Это все равно, что спросить у падающего в бездну, как у него дела, или поинтересоваться здоровьем человека, которому только что оторвало голову.

Она почти ничего не ела, поэтому сильно похудела после смерти мужа. Выглядела болезненно. В ее городе прилавки с едой часто пустовали, но люди не голодали. Чтобы выжить, следовало выстоять очередь у хлебовозки, грузовика с рыбой или сходить за молоком к бочонку на колесах. Но еда не интересовала Ираиду.

Ираида работала в художественном музее искусствоведам, к картинам и другим предметам искусства она всегда относилась бережно. Музей казался местом чудесных событий, отраженных в разных работах. Она изучала историю каждого предмета, попадавшего к ним на экспозицию.

Муж иногда заходил к ней на работу, приносил еду и долго наслаждался тем, как его любимая жена с глубоким интересом рассказывала про чудесный посох, которым древние народы пытались призывать дождь.

Когда-то Ираида могла защищать искусство и все его ценные предметы, но все изменилось. Изменилась она. Изменились люди. Музеи сохранили для восточных партнеров, чтобы показывать им, что люди когда-то интересовались чем-то, кроме глупых юмористических передач и спортивных мероприятий.

В музее, где работала Ираида, организовали телемагазин, экспонаты из него продавали в прямом эфире. Произведения искусства, не пользующиеся спросом, ведущий предлагал уничтожить прямо на камеры. Заплатив деньги, зритель мог выбрать способ уничтожения. Для восточных партнеров и зрителей предметы искусства стали предметами развлечения.

Она пошла к единственной картине, около которой любил

стоять ее муж. С полотна на зрителя смотрел человек, снимающий с себя кожу и превращающий ее в поток из разных животных и растений. Ираида смотрела на картину, но не видела в ней смысла. Она вспоминала мужа и совсем не заметила, как к ней подошли несколько школьников и спросили о картине, что она означает. Ираида даже не взглянула на них, она ушла, совсем, даже не предупредив заведующую. В музее работали хорошие понимающие люди, никто из ее милых коллег не стал бы ее отчитывать за прогул. Ее это и не волновало вовсе.

Ираида поспешила домой, желая дождаться очередного письма. Курьер уже стоял у порога и отсчитывал семь ударов по двери. Курьер был тот же, молодой парень с черными волосами и черными глазами.

— Ираида? — спросил он, когда она к нему подошла.

— До сих пор это я.

— Вам письмо, — произнес курьер и вручил конверт, после чего быстро ушел.

Ираида поспешила в квартиру, чтобы прочитать.

«Привет, любимая моя. Опять пишу тебе письмо. Извини, в этот раз оно будет немного тяжелым. Но ты справишься с этим, ты у меня молодец. Хочу попросить тебя об одолжении. Я знаю, что меня не похоронят из-за дефицита кладбищ в нашем регионе. Больница, в которой я нахожусь, не хоронит пациентов, их кремируют. Мы приняли с тобой, что могилы у меня не будет. Прошу смириться.

Поверь мне, я рад этому. Рад, что ты не будешь ходить ко мне на могилу, смотреть на кусок камня, на котором выбиты мои даты рождения и смерти. Меня кремируют и передадут тебе урну прахом. Прошу не хранить прах на полке в нашей квартире. Не храни его как что-то драгоценное. Я не любил пыль, а тут целая урна. Не надо.

Следующее письмо ты получишь, выполнив инструкции из этого. Тебе нужно взять урну с прахом, отвезти ее в одно особенное место, записать на видео, как ты рассыпаешь содержимое, отправить ролик на адрес электронной почты, указанный ниже, и дожидаться получения следующего письма.

Особенным местом для моего праха является общежитие работников фабрики химической продукции. Раньше в этом здании находился родильный дом, в котором я появился на свет. Ребята с востока, живущие в этой общаге, помешаны на порядке и уборке, прямо как я. Я хочу, чтобы ты прибавила им работы. Рассыпь содержимое урны прямо на крыльцо.

Так ты вернешь пыль, оставшуюся от меня, в место, где когда-то началась моя жизнь. Ты не вернешь меня. Повторяю: меня нет в урне! В этом письме есть частичка меня — мои мысли, а в урне меня нет!

И еще. Выше я написал, что следующее письмо ты получишь, выполнив мою просьбу. На самом деле это не так. Ты получишь все письма, которые я для тебя подготовил, просто с разным интервалом. Но мне очень важно, чтобы ты по-

следовала хоть каким-нибудь советам из моих посланий.

Люблю и надеюсь, что ты там как следует испачкаешь им крыльцо».

Ираида обычно плакала над письмом мужа, но в этот раз только слегка улыбнулась. Просьба мужа напомнила его характер и поведение. Если бы при жизни муж узнал, что кто-то сделал так, он бы порадовался и даже посмеялся над тем, что даже после смерти кто-то не дает покоя восточным партнерам, закрывшим родильный дом и открывшим там общежитие.

Урна с прахом мужа стояла в шкафу, упакованная в пакет. Ираида боялась ее доставать и не собиралась ставить на видное место, она с опаской поглядывала на шкаф, думая о том, что там спрятан прах мужа. Она взяла пакет с банкой и направилась к общежитию.

Ираида не смогла бы так поступить при жизни мужа. Она бы назвала такой поступок хулиганским и недостойным. Начала бы отговаривать мужа, чтобы он не создавал проблем дворнику и другим людям. Но горе меняет человека. И оно изменило Ираиду. Она решила сделать это не от отчаяния, а чтобы хоть немного почувствовать близость мужа. Ведь это он попросил сделать.

Она запланировала совершить это ночью, чтобы ей не смогли помешать. Вокруг здания ходил сторож и осматривал местность. Ираида воспользовалась моментом, когда он ее не видел, и подбежала к крыльцу. Одной рукой она рассы-

пала прах, а другой снимала на камеру смартфона происходящее.

Сторож ее все-таки заметил и начал кричать. Она бросила урну прямо на крыльце и убежала. Сторож ее не догнал. Лишь кричал вслед что-то непонятное и скорее всего оскорбительное.

Отдышавшись, Ираида отправила видео на указанный адрес. Она пошла в сторону дома. Ночью электричество отключали для экономии. Лунного света вполне хватало, чтобы передвигаться по городу.

По улице шел дедушка с фонариком и светил перед собой. Услышав шаги Ираиды, он направил фонарь прямо на нее.

— Вот это да, — удивился он. — Девушка, гуляющая ночью.

— Я не гуляю, — ответила она. — Иду домой.

— Что-то вы припозднились.

— И вы гуляете ночью.

— Я тоже не гуляю. Хожу, собаку свою ищу. Не видели, случайно, дворняга с розовым ошейником?

— Не видела.

— Жаль. Вам в какую сторону?

— В эту.

— Вы не будете возражать, если мы пойдем рядом? Я бы поделился с вами лучиком света. А вы бы помогли мне поискать собаку. Четыре глаза все же лучше, чем два.

Ираида не возражала, она пошла медленней.

— Не бойтесь, что вас ограбят? — спросил дед.

— А вы?

— Нет. Грабить у нас некого, наши люди одинаково бедны и несчастны. Я вот переживаю. Думаю, где же Друпс — это собаку мою так зовут.

— Друпс? — удивилась Ираида.

— Именно. Это значит «верный и надежный». Все боюсь, что его восточные партнеры могли похитить. Знаете, они ведь едят собак. Даже подумать об этом страшно. Еще эта общага, которую они открыли. Надеюсь, что этот проныра заблудился.

Дед тяжело вздохнул.

— Когда-то на месте общаги стоял роддом, — продолжал он. — У меня там жена дочку родила. Нашу малютку. Я тогда так радовался. Взял ее на руки и сразу стал другим человеком. Понял ценность и хрупкость нашей жизни. А теперь там общага.

Дед навел фонарь на двухэтажное здание.

— Здесь я работал, — вспоминал он. — В типографии. Угадайте, что в этом здании?

— Что-то не для нас? — попыталась угадать Ираида.

— Все в этой стране не для нас. Здесь тоже общага. И точно не для нас.

Дед навел фонарь на тротуар и пошел дальше.

— Вы простите, что я вам это рассказываю, — извинился дедушка. — Просто хочется с кем-то поговорить. У меня

жена в больнице, дочка пытается выгнать меня из собственной квартиры, сын неизвестно где. Только Друпс меня спасал от одиночества.

— Ничего страшного, — успокоила его Ираида. — Всем нам иногда бывает одиноко.

— И все-таки это страшно, — ответил дед. — Одиночество в семье. Что может быть страшнее. Вот вроде ближе дочери нет никого, а я ведь враг ей. Ей нужна только квартира, хочет, чтобы мы с матерью оставили ее жить одну. Ругаю, заставляю идти на работу, чтобы сама зарабатывала, прошу, чтоб матери помогала. А она как будто посторонний человек, только о себе думает. Вот это очень страшно.

Рано утром опять раздался сигнальный стук в дверь. Ираида сразу поняла, что принесли письмо. Она вырвала конверт из рук курьера, поблагодарила его, закрыла дверь и тут же начала читать.

«Привет, солнышко. Если ты рассыпала мой прах у крыльца бывшего роддома, я невероятно счастлив. Предлагаю, как ты трясла урну, а дворник потом убирался. Но не думай, что я пытаюсь подтолкнуть к преступлению или хулиганству. Еще я не пытаюсь подтолкнуть тебя к революции. Рассыпать прах на крыльце общаги — это не протест, а своеобразное возвращение. Я пытаюсь тебя подвигнуть дальше к жизни.

Череда моих посланий может привести тебя в неизвестность. Я пишу и даже не понимаю, как ты поступишь. Несмотря на твои решения, постараюсь в каждом письме подчеркнуть, что **ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**. А что с ней нужно делать? Ее нужно жить!

Прах развеян. Это значит, что множество частиц меня унесены ветром в совершенно разных направлениях. Это не тот я в классическом понимании. Это я, не умеющий говорить, думать, смеяться и даже портить воздух. Хотя кто-то может сказать, что даже после смерти я смог испортить воздух, когда меня в нем развеяли.

Одни частички меня где-то летают, другие по-прежнему общаются с тобой. В этом письме. Прямо сейчас в твоей голове должны звучать именно они — мои мысли. Поэтому переживать обо мне не стоит. Хотя я понимаю, как сложно не позволить себе переживать.

По плану мой прах где-то бороздит воздушные просторы или перекачивается по земле, не стоит об этом думать и пытаться его поймать. Лови момент, вдыхай глубже, живи. Думай о том, что даже сейчас я путешествую, пусть и не понимаю этого.

В этом конверте должен быть еще один. Согласно моему плану, его нужно будет открыть на холме, на том самом холме, куда я тебя водил, чтобы посмотреть на город. Там ты его вскроешь и прочтешь еще одну записочку.

Люблю».

Ираида хотела открыть второе письмо сразу, но понимала, что муж заложил в них некий порядок. В каждом письме и слове она узнавала родные мысли. Глядя на почерк, зачеркнутые слова, исправления, Ираида понимала, как муж старался донести до нее суть своих мыслей.

Она оделась и отправилась на холм. Оттуда открывался живописный вид на город и поля далеко у горизонта. Она посмотрела на пейзаж и вспомнила, как муж приводил ее на это место, обнимал и долго стоял вместе с ней, любуясь закатом.

Ираида открыла второе письмо.

«Когда-то я считал, что закат — штука банальная. Что солнце заходит за горизонтом, а затем снова где-то восходит. Рядом с тобой я ощутил его силу и красоту, когда с этого самого холма мы им любовались. Я счастливый человек, благодарный тебе за все, благодарный жизни за встречу с тобой, за прекрасную ее часть, прожитую рядом.

Взгляни на город. Он кажется маленьким и незначительным, людей там даже не видно, как не видно их проблем и тревог. На них тоже стоит иногда смотреть издалека. Я счастлив, что встретил тебя. Но помнишь те времена до встречи со мной, когда ты была молодой и амбициозной девчонкой, доказывающей важность музейного дела? Я для тебя был невежественным человеком, утверждающим, что в музеях выковыряетесь в прошлом, в безумных идеях безумных людей, которых давно нет в живых.

Когда-то ты жила без меня. Значит, можно так жить.

Посмотри на горизонт. Как велик наш мир, сколько всего в нем есть, сколько людей и событий происходит на его просторах. Тебе предстоит посмотреть на этот горизонт без меня. И не только смотреть, но и путешествовать по нему, узнавать что-то новое.

Путешествовать необязательно. Глядя на тебя, я понял, что узнать что-то новое можно изучая что-то старое и даже древнее. Я имею в виду экспонаты. Но все эти предметы содержат историю других людей.

Если ты решилась развеять мой прах у общаги, я силь-

но удивлен. Правда. Во-первых, я горжусь тобой и надеюсь, что тебя не поймали. А во-вторых, я хочу сказать, что ты уже сильно раздвинула горизонт своей жизни. Он стал шире. Ты не просто музейный работник, ты человек, способный на необычный поступок.

Необычные поступки могут приводить к необычным последствиям и в необычные места. Мне трудно представить, что ты сейчас чувствуешь, моя задача — развеять тоску, если она на тебя вдруг нахлынула.

В этом письме не будет задания. Здесь я посылаю множество поцелуев, бесконечно тебя люблю и крепко обнимаю. Я даже думал отправить письмо, написанное на огромном листе бумаги, чтобы ты обернулась в него, словно в мои объятия. Но давай будем честными: мы здесь для того, чтобы немного повеселиться, а не сходить с ума.

Еще попрошу приготовиться к серьезному делу. В следующем письме я предложу обстоятельный план. Он, кстати, у меня есть, я его не на ходу придумываю. Следовать этому плану или нет, ты решишь сама, ты у меня девочка умная.

Следующее письмо должно прийти с небольшой задержкой.

Люблю».

Ираида посмотрела на город с вершины холма, немного поплакала и медленно пошла домой. Она решила вернуться через общагу, где накануне рассыпала прах мужа. Там уже все убрали. Она посмотрела на здание, где когда-то находил-

сы роддом, в котором родился муж, и пошла дальше.

Уже темнело. По дороге ей опять встретился дедушка, он сидел на лавочке и держал в руке выключенный фонарик.

— Доброго вам вечера, — поздоровался он.

— И вам доброго. Нашли собаку?

— Нашел, — вздохнул дед. — Только эту собаку я называл своей дочерью почти сорок лет. Это не просто собака, это горбатая хитроумная псина, чтоб ее... Вы извините, что я так ругаюсь. Дочь сказала, что продала Друпса, чтобы выселить его из квартиры таким образом. И надеялась, что я тоже пропаду, пока буду его искать. Так сильно она хотела квартиру заполучить.

— Это ужасно.

— К сожалению, это норма нашей повседневности. Нет здесь больше ни семьи, ни родины. Лишь грязная земля с грязными человекоподобными собаками, готовыми любого разорвать на куски... Вы меня извините, накопилось.

— Ничего страшного, — сказала Ираида.

— Хорошо хоть, жена поправляется. Скоро ее выпишут. Я даже не удивлюсь, если ее дочь отравила... Думать тошно об этом. Но ничего. Выпишут жену, продам картину, и рванем, как это сейчас можно говорить, «в десятый регион», буду там рыбачить с братом.

— Десятый? — решила уточнить Ираида.

— Да. Где медведи, ягоды и рыба. У них там даже язык свой сейчас развивается. А говорить про название этого ме-

ста — почти преступление. Как и про другие регионы. Ой, ладно, что-то я разговорился. Пойду, может, получится найти Друпса и выкупить обратно.

Через несколько дней пришло письмо от мужа.

«Привет, родная. Это снова я. Я долго думал о том, что может изменить жизнь человека. Мою жизнь изменила ты, это было самое лучшее, что со мной происходило. Следовательно, тебе придется заняться твоей собственной жизнью. Еще я почему-то решил, что самый легкий способ что-то изменить — это куда-нибудь уехать.

Ты должна об этом подумать. Уехать так далеко, где никогда не была. Помнишь, я говорил, что жизнь — это краски, которые ложатся на холст, просто сюжеты у людей разные. Конечно же, ты не можешь этого помнить. В здравом уме я не мог придумать такую бредятину. А сейчас могу.

Бредятина это или нет, решать тебе. Но я не хочу, чтобы твоя жизнь стала трагическим полотном. Я не хочу быть главной частью этой экспозиции, достаточно уделить мне какое-то теплое место в уютом уголке нашей жизни. Мое полотно написано, тебе предстоит написать свою картину жизни.

Я помню картину с океаном, выставленную в вашем музее. Мы долго на нее смотрели, взявшись за руки. Ты мне тогда сказала, что хотела бы там побывать. Правда, ты имела в виду место, изображенное на картине. Иногда ты рассказывала про картины, в которых хотела бы побывать, чтобы по-

дробнее изучить происходящее на них. Ты открыла для меня мир музеев и искусства, хотя я всегда считал, что художники и прочие «творцы» — это бездельники и паразиты. Пришла моя очередь открыть для тебя другой мир. Мир, в котором тебе придется посмотреть на самую удивительную картину во всей вселенной за все время ее существования — картина под названием «Другая жизнь».

Моя жизнь не имеет особого значения, она закончилась, это факт. Нет смысла рассуждать о том, что было и как все закончилось. Я люблю тебя и люблю твою жизнь, поэтому для меня имеет огромное значение, как она сложится дальше.

Мы с тобой жили в непростое время, мы не путешествовали и не думали о переезде. Я считаю, что мы сделали самое главное — мы нашли друг друга и создали небольшой островок уюта в огромном бушующем и непонятном океане под названием «жизнь». Так получилось, ты оказалась одна на этом острове. Одной может быть страшно и горестно, возможно даже, туда не хочется возвращаться. И мир может показаться не таким уютным и красочным.

Пришла пора отправиться дальше и найти «другой берег океана», место, где начнется другая жизнь. Далекий край, в котором тебе не придется с тоской оборачиваться назад и думать о прошлом. Где прошлое станет благодатным стартом, а не горестным разочарованием и концом.

Ты, конечно, можешь остаться дома, продолжить изучать

разные экспонаты. Я всегда в тебе это любил, твое любопытство и желание получить больше подробностей о разных штуках. Я уже писал тебе, что буду предлагать разное. В этом письме я предлагаю отправиться в путешествие. Предлагаю стать частью картины, в которой будет океан.

Отправляйся к океану, я знаю, что ты всегда хотела там оказаться. Мы хотели, но не успели. Не переживай насчет писем. Специально обученные люди имеют все инструкции. Когда ты окажешься у океана, тебе нужно будет позвонить на телефон, указанный ниже. Адрес должен находиться рядом с океаном, именно туда направят следующее письмо.

Не превращай жизнь в беспросветную дыру. Даже если мир продолжит рушиться под твоими ногами, не останавливайся, продолжай идти, продолжай жить. Продолжай наступать на уходящую из под ног землю и пытаться оттолкнуться.

Будь творцом своей жизни, художником впечатлений и скульптором своего тела. Создай себя заново. Проруби себе дорогу в будущее. Отправляйся в новую жизнь!

Люблю!»

Мир пытался оправиться после многолетней войны, погубившей сотни тысяч людей, и продолжительной пандемии. Одни пытались выжить в непростое время, старались раздобыть еды, отремонтировать заброшенную линию электропередач, беспокоились о простых вещах, важных для выживания. Другие существовали в иллюзии, что продолжают бороться за распавшуюся страну, к ним относились предста-

вательницы организации «Женское общество, противодействующее абортам».

Две представительницы этой организации постучали в дверь Ираиды, когда она перечитывала письмо. Она даже к двери не подходила. Женщины оказались настойчивыми, поэтому стучали до тех пор, пока не вынудили ее открыть.

— Здравствуйте, Ираида, — поздоровалась женщина с накрашенными красной помадой губами. — Мы пришли выразить вам соболезнование.

Ираида молча на них смотрела, не желая разговаривать.

— Мы активные женщины страны, — продолжила активистка. — Мы слышали о вашем горе. Но наш девиз «Не унывай — жизнь продолжай!». Ваше имя внесли в реестр одиноких женщин. Наша общая цель — возродить страну и поднять рождаемость. Мы пришли, чтобы обсудить с вами нескольких кандидатов на должность вашего будущего мужа.

Ираида любила только мужа, любила его по-настоящему. Предложение о других кандидатах звучало как полнейший абсурд, произносимый женщиной, совершенно не понимающей чужого горя.

— Вы должны понять, — продолжала гостя, — если мы не возродим нашу страну, если не начнем рожать и воспитывать настоящих патриотов, то мы вымрем, и тогда восточные партнеры станут единственными хозяевами наших земель. Поэтому некогда горевать, некогда любить, быть счаст-

ливыми и жизнерадостными, пришло время рожать. Усердно! Неустанно! Бесповоротно и окончательно рожать!

Женщина старалась агитировать, но даже представить себе не могла глубину безразличия молчавшей слушательницы.

— Наше общество уже стало автором законопроектов. Мы предложили закон об уголовной ответственности за аборт, поскольку это не просто убийство, это убийство будущего патриота. И еще мы придумали закон об обязательно военной службе для нерожавших женщин. В армии быстро будет решаться вопрос с рождаемостью, когда поместим за один забор мужчин и женщин.

Активистка хихикнула и одновременно хрюкнула.

— Мы призываем вас присоединиться к нашему движению «За жизнь, основанную правильными установками!». Горевать и тосковать — неправильно, а вот одна из таких правильных установок — познакомиться с мужчиной, нарожать детишек и работать во благо страны! Вместе, в единстве мы справимся с любыми невзгодами. Но если мы перестанем рожать, справляться будет некому.

Ираида не стала слушать продолжения затянувшейся речи. Она закрыла дверь и ушла в свое одиночество. Тогда она окончательно решила, что нужно уезжать к океану, чтобы продолжить получать письма мужа.

Самолетов почти не осталось, большинство давно сломалось, их разобрали на запчасти, и они не подлежали восстановлению. Новые летательные суда не закупались, а уж тем более не производились.

Чтобы добраться до океана, следовало попасть в столицу. Билет могли продать только после подачи особого заявления. Ираида заказала билет на самолет и ждала результатов его рассмотрения. Эти меры разработали, чтобы тщательно проверить каждого человека, въезжающего в город.

Многие хотели забыть название столицы: по их мнению, там жили люди, разваливающие страну. Несмотря на это, город по-прежнему оставался главным, только из него люди могли уехать в другую страну или к океану.

Ираиде оформили пропуск, ознакомили с правилами пребывания в столице и разрешили сесть на самолет. В аэропорту перед вылетом Ираида увидела дедушку, с которым пару вечеров беседовала. Дедушка стоял у окошка и заполнял заявление на вылет в столицу, рядом с ним стояла его жена и держала собаку на розовом поводке. Дедушка увидел Ираиду и подошел к ней вместе с женой.

— Вот мы и встретились опять, — сказал он. — Это вот Саша, моя жена. Собрались с ней улететь. Даже не собрались, а уже окончательно решили.

— Здравствуйте, — поздоровалась его жена. — Вы тоже решили уехать? Уже написали заявление?

— Мне уже одобрили, — ответила Ираида. — Жду вылета. Вы нашли свою собаку?

— Нет! Это он меня нашел! Сбежал от новых хозяев. Я тут шел по улице и услышал знакомой лай, оборачиваюсь, а там знакомая морда. Ну ладно, не будем вас задерживать, а то следующий рейс через две недели. Надеюсь, мы на нем улетим. Хорошего вам полета.

— Всего доброго.

Подлетая к столичному аэропорту, Ираида видела, что вся его территория обнесена несколькими рядами ограды. Во время пандемии это сооружение называли «линия жизни», чтобы вирус не смог распространиться в городе. Пандемия давно закончилась, но некоторые эпидемиологические ограничения так и не сняли. Кто-то говорил, чтобы усложнить процедуру въезда, кто-то предполагал, что жители столицы брезгают болячками людей из регионов.

В аэропорту Ираида проходила через пост здоровья. Человек в защитном костюме и с автоматом проверял ее документы, прививочный сертификат, паспорт здоровья, удостоверение личности. Ираида хорошо подготовилась и правильно оформила все необходимые документы.

Перед тем как вернуть документы мужчина повторил несколько правил пребывания в столице:

— В столице нельзя собираться в группы, создавать по-

литические или идеологические объединения, запрещается критиковать правительственных деятелей, предлагать им изменить способы управления страной. Запрещается публично обсуждать, высказываться, комментировать и публиковать любые информационные материалы, содержащие сведения о бунте ветеранов и бегстве правительства. Запрещается признавать суверенитет регионов и призывать к их отделению.

Все эти правила не интересовали Ираиду, большую их часть она даже не понимала. Она купила билет далеко на восток, где находился океан. Ей оставалось дожидаться вылета. А пока она хотела мирно провести время в столице и сделать все, чтобы ее не арестовали или не выгнали.

На остановке к ней подошел мужчина и начал вслух возмущаться.

— Правильно ветераны бунтовать начали, — бубнил он. — Прогнали этих дармоедов в правительстве на их заграничные виллы. Теперь-то мы построим правильную страну, с правильными ценностями. Вот вы, девушка, согласны с бунтом ветеранов, правильно они сделали, что правительство прогнали?

Ираида догадывалась, что этот человек пытается ее спровоцировать. Такие как он начинали разговор с приезжими, и когда выявляли нарушителей, власти высылали тех из города. Ираида молча посмотрела на него и отвернулась.

— Тварь неместная! — пробубнил мужик в ожидании реакции, но ее не последовало. — Понаехали! Уже и погово-

ритель нельзя! Что ты молчишь? Давай, скажи! Неужели ты не согласна? Неужели не можешь сказать, что наше беглое правительство заслуживает полного уничтожения? Или ты родственница одного из них? Приехала, чтобы взглянуть на свои столичные владения? Посмотрите на нее. Ветераны все отнимут, все вернут народу!

Ираида смотрела на мужчину как на разбушевавшийся музейный экспонат, поэтому он ее совсем не беспокоил. Мужчина понял, что не сможет спровоцировать девушку, и решил пойти дальше — приставать к другим приезжим.

На автобусе Ираида прошла еще один пункт здоровья на «линии жизни» и отправилась в город.

Приезжие сталкивались с трудностями при поисках жилья, в гостиницах, на стойках регистрации отказывали, объясняя это тем, что мест нет. На самом деле места предназначались только для иностранцев, в основном приехавших с востока.

Ираида вышла из гостиницы и посмотрела по сторонам, чтобы пойти в следующую. Ее заметила пожилая женщина, одетая в толстовку с капюшоном и спортивные штаны серого цвета.

— Квартира интересует? — шепотом спросила она.

Ираида промолчала, подумав, что это очередной провокатор.

— Если вечером спросят документы и выяснится, что ты неместная, могут выгнать из города, — сказала женщина. —

Гостиницу можешь не искать, они все превратились в приют для восточных собак.

— Вы не боитесь так рассуждать?

— Ты видишь, сколько мне лет? Чего мне бояться? Я могу упасть с кровати и больше не встать. Тем более я местная. Меня не могут выгнать из города. Такая у старости привилегия: делать что вздумается и не отвечать за последствия. Тебе квартира нужна?

— Нужна.

— Надолго?

— Вылет через неделю.

— Ого. Видимо, дальний рейс, такой редкий. Ладно, пойдем, квартиру покажу, здесь недалеко.

Ираида побывала в нескольких гостиницах, где со стойки регистрации ей отказали с разной степенью брезгливости и отвращения, которые испытывают жители столицы к приезжим из регионов. Поэтому она решила проверить, куда приведет ее незнакомая старушка.

Они пришли к жилищному комплексу, выглядевшему давно заброшенным и неухоженным. Внутренний двор зарос высокой травой, у парадных возвышались кучи мусора. Большинство квартир пустовали, где-то выбили стекла, вместо одного из окон поставили неработающий телевизор.

— Ты не обращай внимания, — говорила старушка. — Этот жилой комплекс когда-то считался элитным. Тут жили предприниматели и эти самые, ну о которых не любят раз-

говаривать, представители элиты. Когда случился бунт ветеранов, они собрали вещи, оставили свои элитные квартиры и сбежали за границу.

— У вас здесь квартира? — удивилась Ираида.

— Да, осталась от сына. Он что-то там делал в старом правительстве. Назвать работой это нельзя. Ничего хорошего он за свою жизнь так и не сделал, зато приносил баснословные деньги, в этой квартире он их складывал. Партийный деятель, короче говоря. Ты, главное, не переживай. Этот комплекс строили иностранцы, а не наши алкаши местные. Он хоть и заброшен давным-давно, но тут все работает и еще сто лет будет.

Ираида не переживала. Ей предстояло прожить неделю в столице, чтобы дожидаться вылета и оказаться у океана. Старушка действительно сдала ей комнату в двухэтажной квартире со всеми удобствами.

В квартире под высокими потолками горела одинокая, но яркая лампочка, люстру давно сняли и продали. В гостевом зале осталась мебель и бытовая техника. Девушку не интересовали роскошь и предметы искусства, оставшиеся после прежнего владельца. Она ожидала вылет.

Ираиде пришлось целую неделю провести в столице — в мире, оторванном от остальной страны. В продуктовых магазинах продавалась еда, а не только хозяйственные товары и другие несъедобные изделия, нужные в быту.

Люди недолюбливали столицу не только из-за прошлых ошибок или проблем со въездом и проживанием. Когда-то город разделился на несколько районов, охраняемых разными правительственными группами. Несогласованными группами.

Ираида не хотела разбираться во всех политических тонкостях. Она ходила по проспектам, по бульварам и площадям, ожидая вылета. Она не разговаривала с людьми, только смотрела на граффити с разными и непонятными аббревиатурами, обозначающими принадлежность территорий к соответствующей правительственной группе.

За все время проживания в столице она так ни с кем и не поговорила, кроме старушки. В аэропорту к ней подсел мужчина и начал беседу. Выглядел он интеллигентно: аккуратно подстрижен, одет в рубашку, пальто и брюки, а вот разговаривал он так, будто не знал, как это нужно делать с незнакомыми.

— Ты чьих будешь? — спросил он Ираиду. — Из какой-то группировки правительственной? Или из какой глупой аб-

бrevиатуры выскочила?

Она промолчала.

— Чего молчишь-то? Эти болваны своими аббревиатурами всю страну с ума сведут. Навыдумывали органов и думают, что-то изменится. Ничего не изменится! Лучше бы самолетов закупили, чтобы не пришлось ждать вылета неделями. Ну, ты чего молчишь-то? Или ты из каких-то таинственных спецслужб, следящих за населением? Скажи мне тогда, что с нами будет, что будет с этой страной?

Ираида молчала, стараясь не обращать внимание на монолог незнакомца, и неважно, провокатор он или нет. Мужчина будто жаловался в пустоту.

— Сразу видно, не местная, — буркнул незнакомец. — Вы там, за полоской, все тупые и невежливые. Даже разговаривать не умеете. Из-за вас наша страна разваливается, потому что вы тупые. Сначала воевать хотели, а сейчас вам жрать нечего. Ладно, я сегодня улетаю. К вашим врагам, к самым злостным захватчикам, которым, оказалось, наплевать на нас. А ты давай в другую сторону, к своим настоящим хозяевам, к восточным партнерам. Или как вы их сейчас называете?

Мужчина достал пачку сигарет и закурил прямо на виду у всех. Курить в аэропорту запрещалось, только за этим никто не следил. Контролеры боялись жителей столицы, а курящий мужчина выглядел как один из людей, к которым лучше не походить: интеллигентно одетый хам.

Он нервничал и крепко держался за лавочку под собой. Многие пассажиры не могли спокойно ждать вылета, для них этот процесс становился подготовкой к аттракциону, победа в котором означала успешный взлет, перелет и посадку. Самолеты часто ломались из-за износа, множество из них использовали как доноров для ремонта остатков самого маленького и небезопасного воздушного флота.

— Ладно, — сказал мужчина, бросив недокуренную сигарету на пол. — Мне хотя бы бредятину слушать не придется.

Он встал и пошел на посадку. А вот Ираиде пришлось выслушать то, о чем он так однозначно отозвался. Всем пассажирам, не являющимся зарегистрированными жителями столицы, предписывался дополнительный инструктаж о «поведении людей на дальних территориях». Его проводил худощавый пожилой мужчина в очках с толстой оправой, во время «беседы» он прикуривал сигарету от только что выкуренной до основания.

— Значит, решили полететь на восток, — рассуждал он в разговоре с Ираидой. — Вы знаете, чем опасны дальние территории и почему они вообще так называются?

Ираида отрицательно кивнула.

— Дальние территории являются приоритетными для восточных партнеров. Поэтому наша задача сделать так, чтобы приезжающие туда люди не имели каких-либо преступных намерений. Чтобы соблюдались местные правила. На дальних территориях могут не действовать наши законы. Там

местные градоначальники сами их выдумывают. Вы отправляетесь в сорок первый регион. В этом регионе действует комендантский час, там запрещено находиться на улице после девяти часов вечера. Это на случай, если ваш рейс прилетит позже.

Ираида не могла пропустить этот разговор, ее бы не выпустили без печати агента, инструктирующего ее. Он не состоял в партии, а работал на восточных партнеров, но никогда не упоминал об этом. Агент говорил медленно и монотонно, чтобы люди передумали лететь в направлении дальних территорий. Казалось, он часто курит только для того, чтобы поскорее прогнать слушателей.

— Запрещено рассуждать, — продолжал он. — В особенности запрещено рассуждать о невозможной интервенции восточных партнеров. Нельзя говорить и переписываться о том, что они могут ввести войска или оказывать другое невозможное и негативное влияние на нас. Запрещено собираться группами более пяти человек без особого разрешения.

Мужчина встал из-за стола и вышел из комнаты, даже не предупредив. Вернулся через тридцать минут и опять закурил. Потом долго проверял документы, несколько раз переверачивая страницы и осматривая печати. В итоге неохотно, но все-таки поставил разрешение на выезд «на дальние территории».

Ираида направлялась в регион, города и другие террито-

рии старались не называть, чтобы не ошибиться, некоторые населенные пункты уже переименовали в угоду восточным партнерам, хотя по факту они не считались их территорией.

В тот день из столицы вылетели всего два самолета, мужчина полетел навстречу комфортной жизни в теплых странах, а Ираида отправилась на восток.

Ираида летела в переделанном самолете. Когда-то на борту размещали только пассажиров, но перелетами стало пользоваться меньше людей из-за отсутствия денег и желания оформлять кучу бумаг, чтобы куда-то улететь. В салоне самолета оставили несколько сидений, а остальное пространство использовали для перевозки грузов. Большая часть салона заставлялась коробками и небольшими ящиками, которые экипаж мог пронести через пассажирский люк.

Рейсом на восток воспользовались всего два пассажира: Ираида и пожилой мужчина спортивного телосложения, не худой и не крепкий, выглядевший как человек, работающий над собой. Он сел в один ряд с девушкой, через кресло от нее. На остальные кресла стюардессы и другие работники аэропорта разместили коробки.

— Здравствуйте, — поздоровалась стюардесса. — Сегодня у нас два прекрасных пассажира и много грузов. Прошу не смущаться, глядя на разные коробки, занимающие кресла, благодаря им наш рейс отправляется в полет. Приготовьтесь, скоро мы вылетаем.

— Хотя бы здесь осталась любезность, — заметил мужчина. Ираида не отреагировала, а стюардесса приветливо улыбнулась и ушла.

Перед вылетом она подошла к пассажирам еще раз.

— Вынуждена вас предупредить, — любезничала она, — мы залетим на дозаправку и разгрузку в восемьдесят девятый регион. Затем продолжим следование по маршруту, пролетая над двадцать четвертым и четырнадцатым.

— Двадцать четвертым и четырнадцатым? — переспросил мужчина.

— К сожалению, да.

— Опять? Это же самоубийство. Они там ракетами обмениваются. Если нас заденут?

— Ничего не могу поделать. Предупредила вас перед закрытием, чтобы вы могли отказаться от перелета.

Мужчина пристегнул ремни.

— Поехали, — улыбнувшись, сказал он.

Ираиду не беспокоила их беседа, она ожидала вылета, глядя в иллюминатор.

Через три часа самолет зашел на посадку в восемьдесят девятом регионе. Несколько коробок вынесли из салона, несколько загрузили. Затем самолет вновь взлетел. Мужчина достал из сумки пирог и протянул его Ираиде.

— Угощайтесь, — любезно предложил он, глядя на худую соседку.

— Спасибо, — ответила Ираида. — Я не голодна.

— Это очень вкусный пирог, — настаивал мужчина. — Не переживайте, он не отравлен.

Ираида отказалась.

— Вы к нам по делу? — решил поговорить мужчина.

— Что? — спросила она.

— Вы ведь в сорок первый летите?

Ираида утвердительно кивнула.

— По делу или отдохнуть?

— К океану, — ответила Ираида.

— Вы не подумайте, что я пытаюсь к вам приставать. Я работаю в городской управе и беспокоюсь о безопасности. Времена сейчас не простые. У нас ведь четырнадцатый регион решил отделиться, провозгласить независимость, соседи из двадцать четвертого дают ему понять ракетными ударами, что нельзя отделяться. Мы, кстати, сейчас над ними пролетаем.

— Там война? — напрямую спросила Ираида.

— Там возня! Понаехали туда революционеры. Решили создать свое государство с выходом к океану. Начали города переименовывать, «возвращать им древние имена». Не могут они нормально жить. Вот и начали возиться.

— Времена сейчас не простые.

— Нормальные сейчас времена и всегда были такими. Просто жить нужно так, чтобы другим не мешать. Жить по принципу двух «Р» — работать и развиваться. А жители четырнадцатого не хотят следовать этим простым истинам. Они захотели независимости и суверенитета. Только вот они не подумали, что если свинарник отгородить забором от фермы, свиньи от голода начнут сначала умирать, а потом друг друга поедать.

Мужчина немного подумал над своими словами.

— Извините за такое сравнение. Оно неуместно.

— Ничего страшного, — сказала Ираида. — Зато я поняла, о чем вы говорите.

— Я ведь тоже считаю, что города нужно называть своими именами, а не цифрами. К сожалению, времена сейчас такие.

— Непростые, — добавила Ираида.

— Требующие адаптироваться. Я бы так сказал.

К пассажирам подошла стюардесса и проверила, пристегнуты ли они.

— Мы вынуждены снизить высоту, — предупредила она.

— ПВО? — спросил мужчина, на что стюардесса слегка кивнула и ушла на свое место.

— Что это значит? — спросила Ираида.

— Противовоздушная оборона, — ответил мужчина. — По нам могут стрелять ракетами. Чтобы этого избежать, самолет снизится. Не переживайте, я уже летал так пару раз. Однажды по нам даже выстрелили. Не знаю, это был предупредительный или они промазали. Но тряхнуло нас неслабо.

— И почему нельзя лететь другим маршрутом?

— Потому что так дороже. Как сказал один древний мудрец, «экономика должна быть экономной». Но никто не сказал, что «безопасность должна быть безопасной».

Ираида подумала, что если самолет собьют, она не прочитает письмо от мужа. Она немного волновалась, когда самолет снижал высоту. Снаружи облака остались над ними.

С приближением к поверхности стал виден небольшой населенный пункт, от горящих построек которого далеко улетали клубы черного дыма.

— А говорят, что бояться надо восточных партнеров, — комментировал мужчина, глядя в иллюминатор через кресло.

— Что там происходит? — спросила Ираида.

— Люди пытаются разобраться, на чьей земле они находятся.

— Это война. Там дома горят. Здесь вообще небезопасно лететь.

— Безопасность вообще штука относительная. Вот многие люди боятся разбиться на самолете. В том году в столичном аэропорту сгорел самолет, перевозивший груз спирта в салоне. Кто-то курил, и произошел пожар.

— Не слышала об этом.

— Наверное, и о конфликте между регионами тоже не слышали. Страна у нас большая, новости идут медленно.

Мужчина выглядел совершенно спокойным, он совсем не волновался и не боялся, что самолет разобьется. Глядя на него, Ираида невольно почувствовала, что успокаивается. Самолет пролетел опасный участок, и казалось, что должен набирать высоту. Но к пассажирам опять подошла стюардесса.

— Вынуждена вам сообщить, что у нас небольшие технические проблемы.

— Что еще? — спросил мужчина.

— Проблемы с двигателями. Мы вынуждены зайти на посадку в ближайшем аэропорту. То есть в четырнадцатом регионе.

— До двадцать седьмого дотянем?

Стюардесса пожала плечами. Мужчина достал из кармана визитную карточку красного цвета и протянул ее девушке. Она в недоумении ее взяла и улыбнулась от удивления.

— Попроси пилота дотянуть до двадцать седьмого, — настаивал мужчина. — Мне все равно, как он это сделает. На воду или на поле, но четырнадцатый мы должны пролететь, иначе не выберемся оттуда.

— Хорошо, господин министр! — сказала стюардесса и поспешила к пилотам.

— Почему мы можем не выбраться из четырнадцатого? — спросила Ираида.

— Самолет ограбят, нас арестуют. Из региона точно не выпустят.

— Ваша карточка там не действует?

Мужчина протянул Ираиде визитку с надписью «МОЗГ — Министр охраны здоровья граждан».

— МОЗГ? — уточнила Ираида.

— Именно. Это моя идея. Помню, когда-то в правительстве придумывали разные службы и сокращали их названия. МОЗГ придумал я. Но это министерство недолго просуществовало. Его сократили. Ну а потом — бунт ветеранов и

бегство.

— Вы министр?

— Был им когда-то. Сейчас я обычный градоначальник в регионе. В том самом регионе, куда мы направляемся.

— Неужели вы тот самый министр, который не сбежал с остальным правительством?

— Я проработал министром несколько дней. Был единственным, кто называл наших людей гражданами, а не скотом. Это сейчас я иногда ошибаюсь, еще раз прошу прощения за нелепое сравнение. А вот во время пандемии я работал «в подвале». В месте, куда привозили тяжело инфицированных.

— Почему вы не сбежали?

— Потому что это мой дом. Из дома не убегают. Сбегают детишки, которых избивают пьющие родители. Наше правительство было детишками...

— А народ — пьющим родителем... — продолжила Ираида.

— Не стоило так грубо. Понимаю. Иногда вырывается. Народ хотел справедливости. Хотел наказать правительство. Они испугались и уехали. А меня не за что наказывать. Многие меня знают, знают, что я делал все в трудное время, чтобы мы выстояли. Коробки в этом самолете — с едой и медикаментами для жителей моего региона. Если сядем в четырнадцатом, их заберут. Не могу этого допустить.

— Получается, что мы вообще можем не сесть! И коробки

не понадобятся.

— Нас не сбила ракета ПВО, у нас всего лишь отказывают двигатели. Думаю, что все будет хорошо. Переживать не о чем.

Самолету удалось проскочить над четырнадцатым регионом, силы ПВО его не сбили. У судна возникла другая проблема — отказали оба двигателя и заканчивалось топливо. Пилот сбросил остатки горючего, чтобы самолет не загорелся при посадке, выпустил шасси и планировал в воздухе, приближаясь к земле.

— Голову вниз, не поднимать! Голову вниз, не поднимать! — кричала стюардесса двум пассажирам в самолете, но они не выполняли команду. Ираида смотрела в иллюминатор, а мужчина молча ждал завершения полета.

Самолет приблизился к широкому полю, шасси коснулись земли, и летательное судно с трудом, грохотом и тряской, но все же приземлилось. Надувной трап не сработал, пассажиры и члены экипажа стояли у открытого люка и думали, как выбраться.

— Не беспокойтесь, — сказал мужчина, — сейчас я позвоню, и нас заберут.

Он достал из сумки спутниковый телефон и набрал номер.

— Дежурный, — сказал он в трубку, — соедини с главой.

После недолгой паузы разговор продолжился.

— Привет, дорогой, — говорил мужчина. — Узнал? Рад тебя слышать. Слушай, я тут к тебе в гости залетел не совсем удачно. Самолет посадили в поле. А, уже сообщили? В

общем, это я. По-соседски прошу помочь, у меня тут груз с едой и лекарствами, нужно до меня довести. Я поделюсь. Все, отлично, ждем.

Мужчина убрал телефон и обратился к экипажу.
— Скоро за нами приедут.

Ираида понимала, что им удалось избежать крушения самолета, несмотря на незапланированную посадку. Она чувствовала небольшое облегчение, глядя на поле, которое не приближается к ней, пока она смотрит через иллюминатор. Еще она ощутила сильное чувство голода. Мужчина, будто понимая девушку, вновь протянул ей пирог. В этот раз она согласилась на угощение и с большим аппетитом съела его.

Через пару часов на место посадки приехали несколько грузовиков. Пассажиров и членов экипажа сняли с борта и напоили чаем. Потом все собравшиеся начали разгружать самолет и загружать ящики в грузовики. Ираида тоже приняла в этом участие, носила коробки вместе со стюардессами. Их не заставляли, они не могли стоять и смотреть, как остальные трудятся.

Когда погрузка завершилась, колонна машин уехала. Перед отъездом всем раздали респираторы и попросили их надеть. Ираида сидела в микроавтобусе вместе с мужчиной из самолета. Члены экипажа сидели в салоне. Позже стало ясно, зачем нужны средства защиты органов дыхания. Колонна машин проезжала мимо огромных гор мусора. Свалка выглядела как горный массив, как большая долина из разных

отходов. Но даже респираторы не защищали от запахов.

— Почему здесь так много мусора? — просила Ираида.

— После войны весь мир решил, что наша страна — огромная помойка, — ответил мужчина. — Сюда свозят мусор со всей планеты. Думают, что на нашей территории можно создать огромную единую свалку. Мне это не нравится. Но в настоящее время по-другому не получается. К тому же это не мой регион. У нас мусор только вдоль берега разбросан после крушения транспортного судна. Но ничего, мы его уберем. И здесь будет порядок.

— После войны? Она вон, продолжается совсем неподалеку.

— То, что вы видели из самолета, не война. Это недоразумение, возникшее после серьезных проблем в нашей стране. Этот конфликт долго не продлится. Скоро все наладится. Люди станут жить лучше.

— Говорите, как настоящий градоначальник. А вы ведь так и сказали? Верно?

— Верно. Только моя задача не просто говорить, а делать. И ящики в этих грузовиках тому подтверждение.

— Но на вашей визитке нет имени и фамилии.

— Ко мне все так обращаются — «градоначальник». Вы эту визитку сохраните. Если кто-то вздумает вам проблемы создать в моем регионе, покажите ее, местные сразу все поймут. А за приезжими мы стараемся приглядывать.

— И за мной будете приглядывать?

— Придется. Для нас важна безопасность.

Несколько часов грузовики ехали через мусорные горы. Мусора становилось меньше, за окном виделись деревья и поля. Ираида не переживала, она думала о письме. Скоро она доберется до океана и получит следующее послание.

Другая жизнь не всегда начинается внезапно, иногда к ней долго и усердно стоит стремиться. Бывает, в нее достаточно шагнуть, выйти из прежней обстановки и начать что-то делать. Ираида уже шагнула навстречу новой жизни, даже не понимая этого, уже едва не разбилась на самолете, познакомилась с градоначальником и вместе с ним везла еду и лекарства для жителей региона сорок один.

Ее подвезли до двухэтажного деревянного дома, там градоначальник договорился с одной из жительниц, и девушку поселили в свободную квартиру. Ираида поблагодарила нового знакомого, он сел в машину и уехал.

Наконец она добралась до океана. Рядом с холодным и вечным покрывалом земли, бьющим волнами о берег, ей предстояло дожидаться теплой весточки от мужа.

Сперва Ираида решила позвонить на указанный телефон, но выяснилось, что мобильная связь в городке не работала. На тумбочке в съемной квартире стоял стационарный телефон, но даже по нему нельзя было позвонить по междугородней связи, она не работала почти во всем городке.

Чтобы позвонить в другой город, Ираида отправилась искать междугородний телефон. Хозяйка квартиры объяснила, что нужно добраться до отделения почты, расположенного на холме.

Городок оказался небольшим, без небоскребов и просторных ухоженных парков, в основном люди жили в двух-трехэтажных домиках, стоящих на узких улочках. Ираида видела почту на холме, но не понимала, как до нее добраться. Девушку заметил пьяный дед, сидевший на сломанной лавочке, и решил с ней заговорить.

— Чего ищешь? — спросил он.

— Как добраться до почты, — ответила Ираида.

— Зачем тебе почта?

— Позвонить надо.

— Так тебе телефон нужен, а не почта.

— Мне по межгороду.

— А, на материк. Вон видишь кусты, свернешь там налево и увидишь гуся из крыши. Подойдешь к нему, там будет тропинка. Вот она тебя и приведет на холм. Там сама разберешься.

Дед лег на лавочке и уснул. Пьяницы могут вызывать чувство брезгливости и отвращения, но глядя на этого дедушку, Ираида подумала, что он человек, не сумевший пережить горе, или тяжелые времена вынудили его начать вести подобный образ жизни.

Ираида четко выполнила инструкции деда и дошла до места. Почта находилась в одноэтажном деревянном домике, стоявшем под возвышающейся антенной. Девушка вошла внутрь. За кассой стояла пожилая женщина, худая, с проступающими сквозь бледную кожу костями. На прилавке стояла бутылка водки и стакан. Старуха выпила и закурила. Глядя на Ираиду, она кивнула так, будто спросила, что нужно посетительнице.

— Можно позвонить? — спросила Ираида.

Старуха кивнула на телефонную будку, стоявшую в другом конце помещения. На почте продавали все, что могли привезти и раздобыть. На полках стояли несколько десятков

книг, немного консервов, одноразовые бритвы, вяленая рыба и еще несколько видов товаров хозяйственного назначения.

Ираида сняла трубку и позвонила по номеру, указанному в письме мужа.

— Алло, — ответил мужской голос.

— Здравствуйте. Это Ираида, мой муж указал этот номер телефона в письме.

— Добрый вечер. Я знаю, зачем вы позвонили. По этому номеру можете позвонить только вы. Я буду отправлять вам письма вашего мужа. Не переживайте, моя задача отправить вам все письма. Я это обязательно сделаю.

— В письме сказано, что я должна приехать к океану. Я приехала, но позвонить тут можно только из отделения почты. Междугородний только тут.

— Назовите адрес отделения и адрес проживания.

Ираида сообщила все необходимое. Затем положила трубку и вышла из будки.

— Сколько с меня? — спросила она.

— За счет заведения, — прохрипела старуха, затащась сигаретой и налила водку в стакан.

Дверь почты открылась, и вошли трое мужчин с красными повязками. Один из них держал в руках дубину, другой металлический прут. Третий, коренастый и подтянутый, выглядел среди них главным, он брезгливо посмотрел на старуху.

— Все в порядке? — спросил он.

— Как на плодородной грядке, — ответила она и выпила. Парень в повязке заметил Ираиду и обратился к ней.

— Здоровы будьте, — поздоровался он. — Можно взглянуть на ваши документы?

— Нельзя, — вмешалась старуха. — Чего к девчонке пристал?

— Не лезь, старуха. Тебя не спрашивают.

— А ты меня не затыкай! Щенок! Надел повязку из мамкиных красных трусов и думаешь, стал крутым?!

Один из парней ударил дубиной по стеклянному прилавку и разбил его. Старуха не переживала из-за поломанной мебели, она пришла в ярость оттого, что парень снес бутылку водки и разбил ее. Старуха достала из-под прилавка ружье и прицелилась в посетителей. Двое парней бросили дубинку и монтировку и выскочили из почты. А вот их лидер остался и смотрел прямо в дуло ружья.

— Оружие запрещено, — сказал он.

— Кто это придумал? — возразила старуха. — У меня вот есть ружье. Значит, не запрещено.

— Указ градоначальника запрещает жильцам пользоваться огнестрельным оружием.

— Мне по должности положено. Я почтальон, пенсию разношу, охранника у меня нет. Да и видала я его указы. В туалете у меня висят. Пользуюсь по назначению. Ты, щенок, послушай, что тебе тетя скажет. Шел бы ты отсюда. И градоначальнику своему передай, что никакой он не хозяин, а по-

ехавший старик, возомнивший себя местным владыкой. И вы у него прислуживаете. Ехал бы ты за границу, нашел там работу и жил себе нормально. Сдалась тебя эта земля, заваленная мусором.

— Это наша земля! — воскликнул парень. — И мы очистим ее от мусора! И такой мусор, как ты, больше не будет ее топтать!

— Ваша земля?! Вы первые побежите встречать восточных оккупантов, когда они придут сюда. Ты мне надоел. Иди отсюда.

Парень сильно разозлился, но противостоять пьяной старухе с ружьем не стал. Поэтому решил уйти. Старуха вернула под прилавок оружие, достала оттуда еще одну бутылку водки и налила себе полстакана.

Ираида испытывала непростые эмоции после звонка. Она поблагодарила работницу почты и вышла. Мужчины стояли снаружи. Увидев девушку, они подошли к ней.

— Мы не закончили, — сказал их главарь. — Я хотел взглянуть на ваши документы.

Ираида хотела, чтобы ее оставили в покое ненадолго, поэтому не стала спорить с незнакомцами, а протянула им идентификационную карточку, рядом с которой в обложке виднелась визитка градоначальника. Парень увидел карточку и в ужасе поднял взгляд на девушку.

— Извините, — прошептал он, возвращая документ, после чего убежал, двое других последовали его примеру.

На окраине страны люди пили и не боялись, что страна рухнет или ее кто-то оккупирует. Они жили в маленьком городе без больших предприятий и других мест с хорошей зарплатой. После войны и пандемии про эту часть страны давно забыли.

Между столицей и городком образовалась невидимая пропасть в сотни лет и тысячи километров. Огромное расстояние не позволило добраться технологиям и другим прелестям цивилизации до восточного побережья. Многие дороги зарастали травой без асфальтового покрытия, из-за частых дождей жителям приходилось ходить по грязи и растаскивать ее всюду: в магазинах, на остановках, в единственной поликлинике.

На обратном пути Ираида увидела на старинном деревянном здании сломанную вывеску с надписью «Музей», и решила подойти поближе. Лампочки внутри не светили. Пожилая смотрительница сидела в темноте на стуле лицом ко входу и дремала. Она проснулась от скрипа доски, раздавшегося под ногой гостыи.

— Здрaвы будыте, — любезно поздоровалась смотрительница. — Чем могу помочь?

— Добрый день, — откликнулась Ираида. — Я просто проходила мимо и увидела музей. Это художественный музей?

— Нет, — ответила смотрительница. — Это музей войны. Раньше на фасаде висела соответствующая табличка. Но

восточные партнеры настоятельно попросили убрать слово, которое им не нравится. Да и вообще чуть не закрыли нас тогда. Но градоначальник наш решил сохранить память. А чтобы партнеры не возмущались, распорядился убрать табличку.

— Градоначальник сохранил музей войны? — удивилась Ираида.

— Понимаю. Вы, видимо, с материка. У вас принято, что городские управы выслуживаются перед восточными партнерами и стараются спрятать все, что касается войны. Недавно мне рассказали, что в тридцать четвертом регионе собираются снести памятник великой войны, давней войны. Музеи там давно уже закрыты. Но наш градоначальник решил сохранить память, благодаря ему и живем.

— Видимо, для него это важно.

— Конечно, важно. Он участвовал в войне, был врачом в полевом госпитале. Говорят, он единственный, оставшийся работник старого правительства.

— Странно. Только что была на почте, там его недолюбливают.

— Ой, там работает Верка. Так она все правительство ненавидит и винит во всех своих бедах. А наш градоначальник из старого правительства. Все уехали за границу, а наш уехал сюда, решил регион развивать. Сумел музей войны сохранить. Проходите, я вам небольшую экскурсию проведу. Не переживайте, это бесплатно.

Ираида не смогла отказать милой смотрительнице и зашла в музей.

— Только подождите, я включу свет, — сказала женщина.
— Приходится экономить даже на электричестве.

В музее бережно хранились непривычные для Ираиды экспонаты. На полках, стеллажах и стенах находились разные предметы, одежда, оружие, письма, принадлежавшие солдатам, погибшим на последней войне.

— Я всегда говорю, что в нашем музее нет художественных экспонатов, — сказала смотрительница. — Мы храним простые вещи великих людей, ставших на защиту родины. Сейчас времена непростые, от родины мало что осталось. Но совет ветеранов старается хранить память. Даже помогает в сохранении нашего музея. Пусть сломали табличку, зато память сохранили.

— Все-таки не пойму, почему этому музею нельзя о себе заявлять?

— Восточные партнеры, — тихо произнесла смотрительница. — Они рядом, наша земля у них в приоритете, хотят ее развивать, а чтобы развивать, мы должны соответствовать их требованиям. Вы, наверное, с материка?

— Что это значит?

— Издалека приехали?

— Да, издалека.

— Ну что, начнем?

— Давайте.

Ираида поняла, что в городке материком называли остальную часть страны, отделенную невидимой границей. Между материком и регионом не было океана или другого водоема, отделяющего их. Лишь огромная территория с множеством проблем, «возней» и пустырями, оставленными людьми, уехавшими за лучшей жизнью.

Смотрительница подвела Ираиду к стеллажу и начала рассказывать.

— Здесь у нас представлена форма солдата. Она получила название «Роба счастливого». На ней мы видим множество латок и зашитых мест. Эта форма принадлежала солдату, который пережил множество боевых столкновений, бежал из плена, но погиб солдат не в бою. Он попал под репрессии собственного руководства. Один из генералов обвинил его в том, что он бежал с поля боя, а после столкновений оставался невредимым. Солдат не вынес позора и застрелился.

Она подвела Ираиду к витрине, где за стеклом хранились разные документы.

— Как говорят ветераны, война — это не подвиги и медали, война — это одно сплошное горе и разочарование. На этой витрине хранятся разные документы. Это письмо, найденное в братской могиле. Оно адресовано жене солдата. Женщина, которой оно адресовано, его так и не получила. После получения выплат за смерть мужа она уехала с другим мужчиной, и больше ее никто не видел. Взяв в руки это письмо, мы ощущаем горечь. Его автор, солдат, потерял все:

жизнь, страну и даже человека, которого считал самым близким.

Ираида вдруг вспомнила, что ждет письма от мужа. Она не знала, сколько оно будет идти, ведь позвонила по номеру она совсем недавно. Она посмотрела на другие экспонаты и решила зайти в следующий раз.

Через несколько дней раздался громкий стук в дверь. Ираида открыла. В коридоре стояла старая почтальон Верка. Выглядела она болезненно, с похмелья. Трясущейся рукой она протянула девушке конверт и прохрипела.

— Письмо. Нужно расписаться. Сюда такие письма давно не приходили.

— Какие? — спросила Ираида.

— Заказные. Чтобы прямо до порога. Вот тут черканите.

Ираида поставила подпись о получении, поблагодарила Верку, закрыла дверь и пошла читать послание от мужа.

«Здравствуй, любимая. Если ты это читаешь, значит, ты где-то далеко. Надеюсь, ты там, где меня никогда не было. Ты можешь сидеть на берегу океана и смотреть на горизонт. Я не просто так хотел, чтобы ты оказалась у океана, я хотел, чтобы ты увидела другой горизонт, посмотрела на него и поняла, что впереди сплошная неизвестность. В этой неизвестности много хорошего, там твоя жизнь, новые впечатления, новые знакомства.

Это можно было понять и сидя дома. Но сейчас ты далеко от него, ты уже шагнула за горизонт. Ты ступила на тропу новой жизни. Мы сделали это вместе, я тут в качестве советника, не проводника. Все твои действия — это твой выбор. Жизнь — это твой выбор, и то, как она сложится, решать

только тебе.

Я не хочу оставлять тебя одну. Поэтому еще немного побуду рядом. Постараюсь вместе с тобой шагнуть вперед и пройти через любые трудности. Пожалуйста, не становись каменной статуей, застрявшей в прошлом. Будь мягкой, будь то глина, из которой жизнь лепит нежность и красоту.

Отправляйся в жизнь как в познавательное приключение. В будущее, где начнется что-то новое, увлекательное и интересное. Сделай это, пожалуйста, хотя бы в память обо мне. Я остался в этих письмах и в твоей памяти. Но я не хочу быть унылым и тоскливым воспоминанием. Хочу, чтобы ты вспоминала меня, смотрела на мир и понимала, насколько он безграничный и прекрасный, несмотря на печальные моменты. Прошу, не тоскуй обо мне, иди вперед смело и уверенно.

Помню, как ты мечтала поплавать с дельфинами, хотя плавать совсем не умеешь. Вот тебе еще один совет — ты должна научиться плавать. Это уже более сложная схема. Ты должна будешь прислать видео, на котором умеешь плавать. Адрес электронной почты указан ниже. После того, как видеоролик будет получен, тебе пришлют следующее письмо.

Понимаю, что это может показаться странным. Сначала ты приехала к океану, а теперь учишься плавать. Хотя нужно было сначала научиться, а потом уезжать. Может показаться, что я выдумываю на ходу. Но все-таки у меня есть план. И если ты получаешь письма, значит, он выполняется. Мне пришлось сильно постараться, чтобы найти людей, которые

будут отправлять тебе письма по моим инструкциям. Надеюсь, что ты справишься.

Люблю».

Ираида понимала: муж хотел, чтобы ее жизнь не останавливалась, чтобы она продолжала жить и радоваться, но мир без него стал узким, давящим и бессмысленным. Тогда она положила письмо на стол, оделась и вышла на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.